

А. Чадаев

Поколение перелома

Опыт заглядывания в утопию

25.10.2007

Оглавление

А.Чадаев	1
Вступление. Образ будущего	3
Глава I. Уроки истории	5
Революционное государство: к вопросу о заветах Ильича	5
Точка бифуркации: когда приходит Воланд.....	11
Уроки перестройки: успех как катастрофа	20
Глава II. Мягкий и жёсткий сценарии	23
Эффективное государство	24
Мобильное государство	25
Власть в поле доверия.....	27
Глава III. Россия-2050: собственное будущее	28
Глава IV. Потолок и угрозы роста	31
Потолок роста	31
Угрозы роста	35
Рост экономики и рост неравенства.....	36
Глава VI. Инновационный класс: новая интеллигенция	39
Новый уклад – новый социум	39
Заключение. Повестка дня 2008-2050.	42

Вступление. Образ будущего

Планирование, проектирование, стратегия – самые ходовые слова политического языка сегодняшней России. Мы отползли на пару метров от пропасти, по краю которой двигались начиная с конца 80-х, несколько раз вплотную приближаясь к точке падения в бездну – и, переведя дух, оглядываемся. Пытаемся понять, где мы, и что с нами будет дальше. Борьба за существование не утратила актуальность – она просто изменила характер. Из ежедневной борьбы за выживание, по принципу «день простоять да ночь продержаться», она превратилась в борьбу за право на будущее. А значит, за наш собственный - *суверенный*, если хотите, образ будущего.

Будущее, как образ, живущий в нашем сознании – это не то, что «будет актуально завтра». Это то, что работает *сегодня*, влияя на наши действия, корректируя их «в реальном времени». В этом смысле **образ будущего – это инструмент управления настоящим**. И, соответственно, изменяя этот образ, ты неизбежно тем самым влияешь на то, что происходит «здесь и сейчас».

Мотором этой брошюры стало сомнение. Её главный вопрос: **насколько жизнеспособны те представления о нашем будущем, на которые мы ориентируемся, строя сегодня планы и разрабатывая стратегии?** Насколько ясно мы видим ту «среднесрочную перспективу», на которую рассчитано наше проектирование общенационального масштаба, будь то «план Путина» или «стратегия социально-экономического развития» чего бы то ни было; и насколько цельной и жизнеспособной получается у нас эта наша воображаемая будущность.

Тема будущего – это тема поколенческая. Поколение, которое сегодня получило и озвучило возможность планирования – это поколение Владимира Путина. То есть поколение советских людей, ввергнутых в ураган «крупнейшей геополитической катастрофы XX века» - крушения СССР – и сумевших в ней выжить и заново найти себя, вопреки обстоятельствам, казалось бы, непреодолимой силы.

Но подлинной драмой этого поколения сегодня становится необходимость перейти из режима выживания в режим развития – то есть в режим экспансии и инициативы. А значит – снова ломать самих себя, отказываясь от ментальных клише, наработанных за двадцать лет почти ежедневной борьбы за существование. Отказываться от целого ряда созданных

специально для этой борьбы установок и институтов. Готово ли к этому поколение выживших?

Вместе с тем нынешний момент фазового перехода, смены исторических этапов – хронологически совпадает с выходом на авансцену совершенно другого поколения. Это первое постсоветское поколение – поколение людей, для которых реалии сегодняшнего мира и сегодняшней России существуют не как результат драматического слома старого миропорядка, а как единственная известная им версия реальности. И уже понятно, что основная нагрузка по реализации всех долгосрочных страновых задач, которые формулируются сегодня, ляжет именно на плечи этого поколения. Готово ли оно к этой ответственности?

Предмет этой брошюры – историческая миссия «поколения перелома» и его шансы в этом контексте. Цель в том, чтобы проблематизировать те клише, большинство из которых сегодня употребляется почти бездумной скороговоркой. Оценить возможность «модернизации», «инновационного рывка», «глобального лидерства», его захвата и удержания в сколь-нибудь долгосрочной перспективе – теми наличными идеями и силами, которыми мы располагаем сегодня и которыми будем располагать в ближайшие 20-30 лет.

Наверное, для большинства читателей этой книги эпоха СССР, его величия, заката и падения будет знакома больше по книгам и фильмам, чем по личному опыту. И, парадоксальным образом, именно поэтому намного более интересна – как любое неизвестное и неосвоенное наследство. Предмет не столько притяжения или отторжения, сколько спокойного, отстранённого и несколько даже холодного интереса. По этой причине разговор о будущем здесь начнётся с нескольких ключевых моментов прошлого – советского прошлого. Интересного, впрочем, с сугубо практической точки зрения – как источник сюжетов, значимых здесь и сейчас, в седьмом году XXI века.

Глава I. Уроки истории

Революционное государство: к вопросу о заветах Ильича

В 2007 году мы отметили 90-летие октябрьского переворота (или, как его называли в СССР, Великой Октябрьской Социалистической Революции).

Сам этот юбилей оставил двойственные чувства. С одной стороны, в большинстве городов России центральные улицы по-прежнему носят имя Ленина, памятники Ленину как стояли, так и стоят на площадях напротив учреждений власти, а на самой главной площади страны как лежало, так и лежит тело «Ильича». На месте наблюдателя-марсианина, изучающего Россию из космоса по сугубо внешним признакам (таким, как облик городов), запросто можно предположить, что речь по-прежнему идёт о государственном культе, пусть несколько ослабевшем (всё-таки массовых ритуальных шествий стало меньше), но в основе своей не изменившемся и статус свой несколько не утерявшем.

С другой стороны, в актуальной общественной жизни ленинская тема зияет бросающимся в глаза, несколько даже нарочитым отсутствием. Мимо каменного «лукича» взрослые чаще всего проходят как мимо пустого места, а на недоуменные вопросы детей – а кто этот дядя? – отвечают скороговоркой что-нибудь невразумительное. И не потому, что им не хочется объяснять. Просто потому, что сказать детям оказывается совсем-совсем нечего.

При этом тут вовсе не чувствуется никакого напряжения. Ленина действительно просто «нет». Если фигура Сталина до сих пор вызывает яростные споры, заставляет хвататься за грудки и выпускать тоннами разоблачительные и апологетические книжки, то с Лениным не произошло ничего и близко похожего. Он оказался у нас кем-то вроде домового, Деда Мороза или дядьки Чура, таким подразумеваемым-умалчиваемым тотемным существом. Не злым и не добрым, не имеющим никаких свойств, безобидным истуканом из забытой всеми прошлой жизни.

Однако нерешённость, неосвоенность «ленинского вопроса» - далеко не так безобидна, как может показаться. Мы можем сколько угодно превращать Ленина в эдакого фольклорного гнома (или даже в «гриб», как это сделал Курёхин), но от этого он не перестанет быть ни крупнейшей и драматичнейшей фигурой мировой истории XX века, ни (что особенно важно для нас) одним их

отцов-основателей нашей нынешней государственности, хотим мы того или не хотим.

Именно так. Да, мы отменили и демонтировали коммунистическую идеологию, но само ленинское государство никто не разрушал и не создавал заново в 1989-93 годах. Мы всё ещё живём в нём; именно поэтому до сих пор невозможно вынести тело Ленина из Мавзолея, даже если коммунисты на следующих выборах не наберут ни одного процента. И никакого другого пути к преодолению этого барьера, кроме пути осмысления и освоения ленинского наследия, в новой, свободной от идеологической разметки XX века форме, не существует.

В данной брошюре речь, тем не менее, не о Ленине и даже не об октябре 17-го (это огромные, неподъёмные темы с гигантским пластом литературы) а только об одном, чрезвычайно узком аспекте ленинского сюжета. Но это такой сюжет, который одновременно задаёт рамку не только теме 1917-го, но и теме 2050-го года.

Сейчас много различных точек зрения на то, что именно произошло в 1917-м году в Петрограде в ночь с 25 на 26 октября по старому стилю. Их разнообразие можно условно разбить на три основных варианта. Согласно первому, произошло великое, эпохальное событие, открывшее нашей стране путь в новую жизнь. По второму, случившееся было великой трагедией, закрывшей России путь к свободе и на долгие годы ввергшее её во мрак коммунистической тирании. Третья же версия состоит в том, что ничего экстраординарного в октябре не произошло: всё самое значительное, что случилось, приходится на февраль 1917-го (если не на август 1914-го), когда старый мир рухнул и всё покатилося по наклонной. И октябрьский инцидент – лишь очередной изгиб пути хаоса.

Действительно: если посмотреть на ситуацию оттуда, из осени 1917 года, событие не производит впечатления сколь-нибудь серьёзного. Просто произошла очередная смена «временного революционного правительства» - сколько уже их было за этот год? Да и какая разница, если миссия любого из временных правительств – не более чем техническая: выборы в Учредительное собрание уже назначены (на 17 ноября). Именно там, на этом эпохальном собрании, определится всё – от формы правления до состава постоянного кабинета; и наконец-то закончится весь этот бардак с пересменкой «временных» и «революционных» правительств.

Собственно именно ощущение бессилия, тотальной немощи всего «политического класса» - вот та эмоция, которая охватывает почти любого, кто

читает подборку русской прессы за 1917-й год. И это не только немощь политическая, в смысле неспособности взять власть в свои руки и удержать её хоть сколько-нибудь продолжительное время, но также и немощь интеллектуальная – в смысле неспособности понять, что именно происходит в стране и предложить хоть какое-то внятное описание наличной политической реальности. Все повторяют мантры, и носятся с этими самодельными пустыми фетишами.

Уже к лету 1917-го становится ясно, что ленинская группировка достаточно заметно выделяется на этом общем фоне: у неё, по крайней мере, есть более-менее конкретная, абсолютно неприемлемая для большинства политических сил (и потому весьма заметная, провоцирующая реакции) программа действий – «апрельские тезисы» о немедленном прекращении войны. Революция, уже понятая тогда всеми как общее благо и общая ценность, постепенно «приватизируется» большевиками просто в силу создания и удержания ими позиции «самой революционной» (а значит – самой соответствующей духу момента) из всех партий. «Освоить» революцию, оседлать её и закрепить за собой – вот та цель, которая постепенно начинает прорисовываться в тогдашней политической мути; и за эту цель начинают борьбу сразу несколько «революционных» партий и групп. Что же в итоге позволило Ленину и его сторонникам не просто победить, но и стать в этой вязкой, неопределённой ситуации фактически монопольным и на какое-то время единственным политическим субъектом?

Итак, конец августа 1917 года. В.И.Ленин сидит в Разливе в шалаше, ещё не подозревая, что спустя каких-то два месяца ему выпадет сменить своего соученика по симбирской гимназии А.Ф.Керенского в роли главы русского правительства. Он ещё толком не пришёл в себя после июньских-июльских событий, когда именно его партию назначили главным врагом новой власти, приписав ей столичные беспорядки (к которым, собственно говоря, она имела отношение довольно косвенное). И вообще ещё не очень привык к тому, что он уже не эмигрантский публицист, а действующее лицо стремительно меняющегося политического ландшафта революционной России. В Разливе, видимо, он почувствовал себя в привычной стихии: типа опять “эмиграция”, опять можно заниматься любимым делом - марксистским догматическим богословием. Чем и занят с упоением завязанного графомана, дорвавшегося наконец до ручки и бумаги.

Родившаяся в результате брошюры «Государство и революция» устроена следующим образом: берётся цитата из Маркса либо Энгельса и ею гвоздится какой-нибудь из актуальных на тот момент идейных или политических врагов -

будь то Чернов, Плеханов или Каутский. “Извратили”, “оппортунизм”, “ревизионизм” и т.д. Как будто и не было бурных событий недавних дней, а всё ещё продолжается швейцарское сидение – тихое, комфортное и ни к чему не обязывающее время споров о «платформах».

Но вместе с тем, разбираясь с разного рода “политическими проститутками”, Ленин попутно набредает на ту самую идею, которая, видимо, в тот момент и сделала возможным его превращение из маргинального политтусовочного склочника в фигуру мирового масштаба. Идея, разумеется, целиком и полностью коренится в марксистской догматике, и излагается на её языке. Но тем не менее она “больше” не только тогдашних марксистских, но и любых других политических дискуссий того периода.

Тут, конечно, не обойтись без отсылки к контексту. Главный (если не единственный) политический капитал, с которым Ленин в апреле приехал в plombированном вагоне на Финляндский вокзал и которым жил все следующие четыре месяца - это была его циммервальдская поза/позиция “пораженца”, а равно полученные за неё со всех сторон плевки, пинки и зуботычины. “В то время, когда вся страна в едином порыве боролась со смертельным врагом - кайзеровской Германией...” собственно, даже Февраль имел своим основным мотивом именно победу в войне: царь и его окружение (“шпионы в августейшей фамилии”) были в определённый момент удачно представлены как главное препятствие этой победе. Однако у того слоя (как бы сейчас сказали, “национально-ориентированной элиты”), людей, которые пришли становиться творцами «нашей общей победы», не было на это общенационального мандата доверия (который у царя-то, кстати, имелся), не было моральных оснований вести миллионы русских людей на смерть во имя чего бы то ни было. Это – вместе с революционной вольницей – и породило мощнейший низовой импульс демобилизации. На волне этого импульса «пацифистские» взгляды Ленина и «пораженцев» из неопасной экзотики стали реальной альтернативой ура-патриотическому мейнстриму. Плюс к тому, новая власть сама назначила большевизм своим главным врагом, разрешив буквально “всё” и запретив только его - за это самое “пораженчество”; да вдобавок ещё и начав раскручивать тему “Ленин - германский шпион”.

Сам Ленин далеко не сразу сумел осознать, какой невиданный шанс сам плывёт в руки - известно же, как он метался и дёргался в “доме Кшесинской” во время июльских выступлений и последовавших затем полицейских акций. В августе же в шалаше, собравшись с мыслями, он занялся единственно правильным для себя в тот момент делом: приведением бывшей у него перед глазами объективной реальности в соответствие с постулатами марксизма,

чтобы почерпнуть оттуда руководство к действию. И делать это ему пришлось через один из историософских тезисов Маркса - об “отмирании государства” вследствие построения бесклассового общества.

Итак. Исходный посыл «Государства и революции»: государство как таковое – это всего лишь порождение непреодолимого антагонизма классов. Иначе говоря, государство есть система, существующая для того, чтобы закрепить процесс эксплуатации низших классов высшими и работающая как механизм защиты эксплуатационного механизма от борьбы трудящихся за свои права. В связи с этим идея революционного уничтожения государства – вредная анархистская утопия, поскольку оставшаяся неискоренённой эксплуатация рано или поздно сама восстановит из себя государство ради решения своих задач. Демократия и всеобщее избирательное право - по этой же причине “фиговый листок”, поскольку их единственное назначение – *«раз в три или шесть лет решать, кто именно из эксплуататорского класса будет гнобить народ через парламент»*.

Вывод из всего этого простой и очевидный: подлинная цель трудящихся и эксплуатируемых классов (т.е. Ленина и его партии как «организованного авангарда» таковых) – произвести не просто “революцию”, но **“революционное государство”**. То есть такое государство, смысл и назначение которого – не защита эксплуатации, а борьба с ней вплоть до полного её демонтажа (тогда, и только тогда тема «отмирания государства» станет актуальной). А поскольку дело это трудное, и борьба – на уничтожение – острая и всё обостряющаяся, значит “новое” революционное государство должно иметь много более жёсткий и жестокий политический режим, чем даже современные ему “буржуазные” и “капиталистические” государства. Отсюда – пресловутый тезис о “диктатуре пролетариата”.

Иными словами, уже тогда, в Разливе, в голове у Ленина уже сформировался в самом основном виде тот режим, который он возглавил спустя два месяца и который смог удержать у власти. У него были достаточные мотивационные основания для всех последующих действий – разгона Учредительного собрания, заключения Брестского мира, убийства царской семьи, развязывания “красного террора”, не говоря уже о существовавшем много ранее тезисе о “превращении войны империалистической в войну гражданскую”. Кроме того, как последовательный идеалист, Ленин получил для себя в этом своём шалаше главное – мотивационные основания для любых чрезвычайных решений, ибо они теперь будут производиться во имя идеи и соответствуют ей.

Для нас же в этом ленинском открытии важен один-единственный момент: сама идея «революционного государства».

Сила её в том, что она снайперски точно попадает в узловой нерв русской политической культуры – в то место, которое занимает в ней государственная власть, и ту роль, которую она в ней играет. Уникальная роль власти в России – в культурно-детерминированной монополии на инновацию, на любой слом и переустройство существующего уклада. Смысл в том, что **любые, сколь угодно безумные идеи в России ты можешь реализовывать только через государство и/или в качестве государства**. Соответственно, *стать государством* - единственный способ реализовать свои политические идеи в полной мере.

Антитеза: общество-консерватор и государство-революционер; охранник и опричник. (NB!! нормальный консерватор в России – антигосударственник). Но на самом деле схема сложнее: русское общество, вяло сопротивляясь революциям «сверху», вместе с тем многожды отказывало в доверии режимам, которые переставали выполнять эту революционизирующую миссию. Русское общество, при всём собственном консерватизме (а не в последнюю очередь – и благодаря ему), чувствует потребность в государстве-революционере; государстве, которое двигает общество, меняет его, не даёт ему закиснуть и погрязнуть в бесконечном воспроизводстве устаревающих укладов. Оно с опаской относится к государственным инновациям, но к инновациям «частным» оно относится с куда БОльшим недоверием и презрением, считая инноваторов опасными чудиками либо проходимцами и требуя, чтобы любое их «рацпредложение» прошло государственный ОТК, в противном случае категорически отказываясь их принимать.

Сами инноваторы тоже это чувствуют, потому и обивают пороги парадных подъездов со своими прожектками вечных двигателей; зря ли умирающий Левша пытался любой ценой сообщить про то, чтоб «ружья кирпичом не чистили», не начальству оружейных складов и не коллегам-мастерам из Тулы, а только и именно Государю! Если революционер особенно настойчив, русское общество, скрепя сердце и чувствуя, чего это ему будет стоить, соглашается на страшную сделку: оно делает революционера государством! Савва Морозов даёт деньги большевикам – вряд ли этот прожженный прагматик и тонкий интуист не чувствует, что они, придя к власти, сделают с его фабриками; но он чувствует также и то, что если во власти будет дефицит революционеров, то двигать Россию вперёд, строить новые заводы, изобретать новые технологии и осваивать новые уклады будет попросту некому.

В этом смысле любая рефлексия по поводу судьбы «поколения перелома» возможна только в рамке государства. Государство – базовая константа политического и социального мышления. Оно одновременно и предел, ограничитель, и единственный существующий ресурс крупного социального творчества; вне его рамок ты можешь либо без конца воспроизводить жизненную траекторию предков и их уклад, либо в лучшем случае ваять вечные двигатели в гараже на досуге. Но если ты действительно хочешь изменить что-то по-крупному, по-настоящему – вход в твоё пространство действия лежит только через государственную власть. При этом абсолютно неважно, как ты сам к нему относишься: ты можешь даже его искренне ненавидеть (как ненавидели Россию Ленин и ленинцы); но даже в этом случае единственный путь реализации твоих идей – не в том, чтобы бороться с государством или разрушать его, а в том, чтобы самому им стать. И уже далее, став государством, реализовывать свои идеи – не в личном качестве, а в качестве «руководящей и направляющей силы».

Другое дело, что Россия как объект политики – то есть объект изучения, взаимодействия, управления – способна кардинально переменить твои первоначальные замыслы, и ты через некоторое время не узнаешь самого себя. Дело тут не столько в том, что «власть меняет людей»; сколько в том, что власть в России, как и многое другое в ней – больше, чем просто власть¹.

Пожалуй, лучший способ это увидеть – заглянуть чуть дальше: в точку, по многим параметрам очень похожую на ту, в которой находимся мы сейчас.

Я имею в виду 1929 год.

Точка бифуркации: когда приходит Воланд

В телесезоне 2006-2007 на экраны вышел сериал «Мастер и Маргарита», смотревшийся, кажется, едва ли не всей страной. И всё же, кроме простительных для сериального жанра мелких огрехов, постановка имела один по-настоящему крупный дефект, заметный любому, кто знаком с русской историей XX века. В фильме наложились друг на друга реалии конца 20-х годов, когда Булгаков писал сам роман, и конца 30-х - совсем другой эпохи, хотя бы и отделённой от первой всего десятью годами. Промежуточная, "компромиссная"

---

¹ По поводу того, что «любая вещь в России больше, чем она сама», мне вспоминается поездка группы членов ОП РФ в нефтяной Сургут. Там нашей делегации была продемонстрирована английская спецшкола, во дворе которой торчало эдакое многометровое нечто, смутно напоминающее знакомое изображение на туристических буклетах. «Что это»? «А это – «Биг Бэн», копия лондонского – школа же с английским уклоном, вот мы и...» «А почему в два раза больше оригинала?» «Ну так ведь и страна у нас побольше»...

дата 1935 г., обозначенная в фильме, не только не проясняет, а ещё более запутывает дело.

Относительно беззаботное, «мягкое» время конца 20-х, с «застройщиками», валютчиками, розовощёкими милиционерами и эпическими писательскими попойками, описанное в романе Булгаковым. И грозные, наводящие оцепенение поздние 30-е, когда по стране шли массовые "чистки" с расстрелами и пытками, «люди во френчах» диктовали свою волю враз ставшей беспомощной и жалкой советской элите, а потом и сами исчезали один за другим в жерновах собственной кровавой машины. А в Испании, Абиссинии и Монголии уже громыхали войны, и до начала большой мировой войны оставался какой-то год-другой!

То, с какой мгновенной скоростью изменился мир в этом промежутке, может потрясти любое воображение. Тех, кто не успел за этим сверхсветовым рывком мировой истории, ждала неминуемая катастрофа – и это касалось не столько отдельных людей или семей, но и целых наций, государств и даже континентов. На грани такой же катастрофы оказалась в 1941 году и наша страна – но уцелела, удержавшись на краешке и заплатив чудовищными, многомиллионными жертвами за своё право на будущее.

Можно ли было всё это предвидеть – а тем более *планировать* – в 1929 году? Мой взгляд приковано к этой точке, потому что слишком уж много обстоятельств, которые роднят её с нашим сегодняшним 2007-м. Да, конечно: любые параллели имеют свои пределы, и ни в коем случае нельзя, цепляясь за удобную тебе аналогию, выводить из неё всё и вся: история не прощает такого волюнтаризма. Но я назову несколько вещей, которые совпадают настолько прямо, что вызывают острое желание «сверить часы».

Во-первых (и в главных для меня), вторая половина двадцатых — это период выхода на арену «рубежного» поколения – людей, родившихся ещё при старом мире, выросших в хаосе его распада и ставших взрослыми уже при новой, послереволюционной действительности. В то время они, довольствуясь наступившими наконец относительно мирными годами, спокойно рожали детей – тех, кому потом выпала самая страшная ноша войны: среди солдат Великой Отечественной самой массовой группой стали родившиеся с 1922 по 1928-й; тем, кто родился в 28-м, в 45-м было семнадцать. Старших, рождением с 14-го по 21-й, было гораздо меньше: война, революция, голод сделали своё дело. В те же «мирные» межвоенные 20-е и 30-е основной действующей силой «строительства новой жизни» было поколение, родившееся между началом века и 1914-м – годом начала Первой Мировой, разрушившей Российскую Империю. Этому поколению, хотя оно ещё об этом не знало, надлежало строить

заводы и электростанции, изобретать и запускать в серию танки и самолёты, создавать оружие и воспитывать солдат будущей Победы; к этому поколению относится большинство её командиров.

Но поколенческие параллели сами по себе – недостаточное основание аналогии. Внешний мир даёт куда более информативный рисунок. Ещё слабая, только-только начавшая приходить в себя Россия окружена «санитарным кордоном» из бывших осколков Российской Империи, ставших национальными государствами. Там культивируется всё более жёсткий антикоммунизм, помноженный на постимперскую русофобию. Сама Россия - тоже пока участник «руссофобского» фронта: Сталин, будущий автор тоста «за русский народ», в незабытом всё ещё амплу главспеца по национальной политике неустанно воюет с «великорусским шовинизмом».

В составе самого СССР – союзные национальные республики, чьё руководство, формально присягнув «интернационалистской» Москве, проводит политику самой жёсткой дерусификации. Только централизация власти, усиление Москвы в середине 30-х "выровняло" позже эту политику - но выровняло лишь в том смысле, что расстреливать стали всех одинаково, без различия по национальному признаку. Страшная "справедливость" массового террора!

Мировым же порядком пытаются управлять вчерашние победители Первой Мировой; однако с каждым годом чем далее, чем менее они справляются. Внешнее могущество скрывало внутреннюю слабость - растущую год от года. Британия, контролировавшая мировую торговлю даже сильнее, чем ныне США, погрязла в политических склоках, экономических неурядицах и бесконечных колониальных конфликтах. Франция, обладавшая самой сильной (как считалось тогда) сухопутной армией на континенте, напряжённо боролась с коммунистической угрозой – причём делала это посредством социал-распределительной политики, чем в итоге подорвала своё экономическое развитие. США, которые на тот момент ещё только начинали становиться в мире тем, чем они стали после 1945-года, погрузились в пучину Великой Депрессии – и утащили за собой значительную часть мировой экономики. Наконец, разорённая войной и послевоенной разрухой Германия, ожидая со дня на день коммунистической революции по русскому образцу, сама не заметила, как привела к власти будущего палача Европы - Гитлера...

Слабость и безволие тех, кто считался "демократическими" лидерами мира, порождали запрос на пришествие «настоящих» тиранов. Тень Воланда, витавшая над Москвой в 29-м - это тень «власти», могущей казнить и миловать невзирая на лица. То нетерпеливое ожидание, с которым Булгаков призывает

на Москву кровавый суд Князя Тьмы – это ожидание мира, в котором вакуум власти и множасься несправедливость, самодовольный разгул "мелких бесов" - бандитов, жуликов и проходимцев всех видов – делали всё более реальным приход большого Сатаны.

Но то - высокие материи. Куда предметнее можно судить о состоянии государственных дел тогдашней России, её хозяйственного уклада образца 1929 года. Но и здесь, если особенно посмотреть в контексте мировой экономики, мы найдем ключевые параллели с 2007 годом.

Как и сейчас, та Россия - страна сырьевого экспорта. Только тогда главным видом экспортного товара, единственно котирующимся на мировом рынке из всего, что мы производим, является не нефть, а зерно. За него платят валютой. Как и теперь, производителем этого ресурса выступает устаревший, неадекватный современным реалиям хозяйственный уклад, доставшийся в наследство от предыдущей системы. Но он работает – в отличие от уродливых бюрократических монстров нового советского хозяйства, «воспетых» Ильфом и Петровым в "Золотом телёнке".

И тем не менее делать на этот старый уклад основную ставку - недопустимый риск. Во-первых, он ставит страну в слишком большую зависимость от таких случайных и непредсказуемых вещей, как климат. Ладно бы дело было только в объёмах валютной выручки: хлеб ведь не только главная статья экспорта, но и основной – а для многих единственный – продукт питания. (Опять параллели с нашей – энергозависимой, энергозатратной, а сейчас и энергодефицитной экономикой!) «Недоедим, но продадим!» - страшный принцип, нередко стоивший жизни огромному числу людей.

Во-вторых, моноэкономика – это неизбежный букет проблем, начиная от пресловутой «голландской болезни» и заканчивая зависимостью от импорта по многим ключевым видам товаров (и снова – как у нас сейчас!). Притом это в ситуации, когда значительное число стран Советскую Россию даже не признали – но и те, кто признали, не отказались бы при удобной возможности расправиться с «очагом большевизма». Словом «суверенитет» ленинская гвардия не очень-то любила пользоваться, но сам принцип – и вытекающие из него задачи самозащиты – понимала вполне.

В-третьих, уклад, основанный на частном крестьянском хозяйстве, создавал взрывоопасную социальную ситуацию. Разрыв между богатыми и бедными увеличивался; доходы первых росли, вторые же были обречены скатываться на социальное дно. И это – в «стране победившего социализма»! Перераспределительная же политика, вкупе с госмонополией на экспорт,

приводила только к одному: к разбуханию бюрократии, коррупции, воровству и падению эффективности экономики. Как результат, ударные темпы экономического роста, которые страна демонстрировала в начале нэпа, к концу 20-х постепенно сошли на нет.

И это далеко не всё. Можно было бы сказать и о провале предпринимавшихся в 20-х попыток технологической модернизации сельского хозяйства – разбившихся об архаичную, негибкую его инфраструктуру. Но и успех, когда он случался, тоже имел обратную сторону: хозяйства, справившиеся с освоением новой техники, получали гигантскую фору по сравнению с остальными – и это, в свою очередь, создавало новое неравенство и новые конфликты...

По совокупности причин перед государством тогда стояла та же самая задача, что и сейчас: рядом с работающим старым хозяйственным укладом выстроить новый, более современный (тогда – индустриальный) уклад. Насытить его ресурсами, технологиями, а главное – людьми. Тогда тоже много говорили о прорыве, прыжке в будущее – но на самом деле и тогда задача «прорыва» равнялась задаче выживания. В 29-м это ещё не было настолько очевидно – но десятью годами позже, когда разразилась большая война, она оказалась «войной моторов»; и те нации, которые не успели построить соответствующей индустрии, не продержались в ней и нескольких недель. Мы же, даже утратив в 41-м две трети своего промышленного потенциала, сумели в кратчайшие сроки восстановить нужный объём военного производства. Просто потому, что у страны уже было достаточное количество людей, способных этот уклад воспроизводить.

Я остановлюсь лишь на одном, сравнительно небольшом эпизоде того периода. Поначалу он был мало заметен, если не сказать вовсе затерялся на фоне последовавших далее событий "большого террора". В конце 1980-х-начале 1990-х о нём много говорили лишь в узком кругу профессиональных экономистов и интересующихся экономическими дисциплинами людей; чуть более широкий резонанс оно получило благодаря тому, что стало одной из любимых тем отечественных либеральных реформаторов гайдаровского круга. Я говорю об осуждении ряда видных отечественных экономистов по делу «трудовой крестьянской партии»; точнее, о том споре, который ему предшествовал и, в определённом смысле, послужил спусковым крючком процесса.

Детали подробно описаны в специальной литературе; я не буду в них углубляться, изложу коротко фабулу. К тому моменту задача построения индустриальной экономики была в общих чертах осознана советским руководством как центральная, и спор вёлся лишь о сроках и методах индустриализации.

Понято было также и то, что задача индустриализации требует значительно большего уровня понимания и расчёта, чем был до сих пор. Уже существовал Госплан, выросший из успешного опыта программы электрификации ГОЭЛРО (которому мы обязаны формулой "коммунизм - это советская власть плюс электрификация всей страны"). Уже делались отраслевые программы развития, и намечались первые прикидки большого общестранового плана экономического развития (в будущем – пресловутая "пятилетка").

Одновременно советская власть впервые столкнулась с серьезными трудностями и неудачами в реализации отдельных проектов и функционировании экономики в целом. Страну настиг ряд локальных кризисов: в валютной сфере, в сфере хлебозаготовок, в реализации программ промышленного развития; и все они в совокупности свидетельствовали об одном: методы, которые применялись - и с невиданным успехом - в первой половине 20-х гг., в период раннего НЭПа, перестали работать, и нужны новые, уже не локальные, а большие системные решения.

На этом фоне обозначилась принципиальная дискуссия между двумя "школами" советских экономистов: воспользовавшись терминами идейного лидера одной из школ Н. А Кондратьева, назовём эти школы "генетической" и "телеологической". Обе предлагали свой подход к перспективному планированию, и вели между собой острую дискуссию.

Первая, "генетическая" школа, исходила из того, что планирование - это в первую очередь анализ существующих объективных тенденций в экономике и построение планов и расчётов с опорой на эти тенденции. Вторая, "телеологическая" – из того, что первичными являются поставленные задачи, а планирование – это просто выбор путей их решения.

Каждая из школ предложила свой проект индустриализации СССР. План "кондратьевцев" состоял в постепенном накоплении излишков от экспорта сельскохозяйственной продукции и целенаправленные их инвестиции в перспективные – "инновационные", как сказали бы сейчас, сектора. В сущности, это план, аналогичный нынешней схеме Стабфонд-Инвестфонд. Достоинством этого плана было то, что он не требовал сверхусилий по кардинальной ломке

существующего хозяйственного уклада. Недостатком же – то, что и темпы индустриализации, и, в более широком смысле, благополучие режима ставились в зависимость от одного – пусть и крупнейшего и наиболее на тот момент рентабельного – сектора экономики. Сегодняшние критики сказали бы, что это модель посадки экономики на "зерновую иглу". И тем не менее, это был именно "мягкий", бескатастрофный сценарий развития.

Госплановцы выступили с другой, гораздо более радикальной идеей. По их замыслу, необходимо было политическими инструментами обеспечить перераспределение ресурсов – денег, кадров, технологий – из аграрного в промышленный сектор. Более того: само сельское хозяйство тоже подлежало радикальной трансформации, т.е. превращению в единый, централизованно управляемый агропромышленный комплекс индустриального образца: для этого предусматривалась программа коллективизации.

Проигравшие – группа Кондратьева-Чаянова – расплатилась за своё поражение по жестоким законам политики того времени: обвинение во «вредительстве» - сфабрикованный ОГПУ «контрреволюционный заговор» - закрытый процесс. Вначале лагеря, а в 1938-м – пересмотр приговора и расстрел. Свой большой труд о «длинных волнах» Н.А. Кондратьев дописывал уже в Суздальском изоляторе; рукопись начатой им следующей книги – об общей теории тренда – была уничтожена в тюрьме.

Была бы судьба их оппонентов-госплановцев другой в случае их победы? Крайне маловероятно. Как-то раз мне на глаза попала книга Чаянова, посвящённая – как позже и у Орвелла – 1984 году; только, в отличие от орвелловской, это была радужная утопия «крестьянской республики». Я с интересом читал о том, как Чаянов разворачивает в этой книге своеобразный русский аналог гандистской «сарвадайи», крестьянской утопии свободного индивидуального труда и самоуправляющихся общин. Вплоть до того момента, пока не наткнулся на рассказ о том, как был учреждён этот крестьянский рай – вследствие реализации «указа о запрете городов». Мы хорошо помним, кто из политических лидеров XX века попытался реализовать эту идею на практике: это был Пол Пот. То есть человек, которого «указ о запрете городов» сделал почётным обладателем первого места по онтосительной доле сограждан, уничтоженных в процессе построения справедливого общества: здесь он обставил всех великих человекоубийц XX века, от Сталина до Бокасы включительно.

Неизвестно, дошло бы до полпотовщины у нас, если бы идеология "крестьянской утопии" на сколь-нибудь длительное время совпала бы с "генеральной линией партии". Но ясно, что материала для обвинений во

"вредительстве" по отношению к сторонникам централизованного планирования индустриализации набралось бы предостаточно. Стоит лишь оценить масштаб *запланированных* потерь, заложенных в их варианте.

Столкновение «кондратьевцев» с «госплановцами» - типичная, модельная ситуация, многожды повторявшаяся после и в советской истории, и в постсоветской тоже. Скажем, конфликт «генетиков» с Лысенко и «мичуринцами» развивался несколькими годами позже ровно по той же модели.

Смысл этой модели – в противоборстве двух точек зрения «специалистов» и «комиссаров». Первая: «вообще-то по законам физики коровы не летают». Вторая: «если партия прикажет – полетят» (иногда с добавлением: "а не полетят – отправим на мясобойню"). Вторая побеждала чаще². Но не всегда: даже в годы наибольшего господства «идеократии» голос специалиста мог быть услышан – если специалисту удавалось облечь свои доводы в форму политической, а не только сугубо профессиональной позиции.

В этом есть резон. Политическое сознание всегда плохо воспринимает профессиональные аргументы, и далеко не только по причине своей принципиальной ограниченности. Ситуация, где необходимо принимать ответственное политическое решение, не терпит расслабленной логики в духе «с одной стороны – с другой стороны»: зря ли один из американских президентов просил дать ему «однорукого экономиста». Углублённое знание предмета – далеко не обязательно преимущество: если это знание не подразумевает «на выходе» политического решения, оно бесполезно. Если предлагаемые специалистами рецепты не имеют механизма гарантии от политических – и, шире, исторических рисков – они даже вредны и опасны.

Были ли шансы у «мягкого» кондратьевского сценария в 29-м? Иными словами, мог ли сохраниться НЭП в каком-то качестве после того, как была провозглашена стратегия форсированной индустриализации? Скорее всего, таких шансов было всё-таки немного.

НЭП – естественное следствие силовой схемы «революционное государство – консервативное общество». В ситуации, когда общественный

---

² Интересно, что конфликты этих подходов нередки и в наши дни. В 2003 г. группа экспертов во главе с В.Л.Глазычевым (ныне – член ОП РФ, глава комиссии по региональному развитию и МСУ), анализируя готовившиеся тогда проекты федеративной реформы и реформы местного самоуправления, указала её авторам, что многие её положения не имеют привязки к реально существующей структуре власти на местах. И получила буквально следующий ответ от высокого кремлёвского чиновника: «я не хочу знать, как есть сейчас. Я хочу знать, как должно быть».

консерватизм вместе с обществом разрушен, противовес исчезает и всё становится жертвой революционного хаоса. В ситуации 1921 года государство физически нуждалось в частичном восстановлении противостоящего ему консервативного, «ранешнего» уклада. Столь же закономерна по-своему и гибель нэпа: к 1928-му этот уклад восстановился настолько, что съел всё, втянул в себя кадры, ресурсы, технологии и начал есть государство – настолько, что понадобилась новая ломка.

Собственно, это главное. Необходимо было построить гигантский кадровый пылесос нового уклада, который втянул бы в себя значительное число людей. Была ли возможность построить его на основе мягкой урбанизации? Нет, потому что он разбивался об существующую социальную структуру, иерархию – жёсткую и сопротивляющуюся не только взлому, но и любым попыткам выстроить «рядом» другую, параллельную иерархию.

Смысл «великого перелома» 29-го – что он превратил огромную массу людей в люмпенов, а уже потом в качестве люмпенов вербовал их в новый, индустриально-урбанизированный уклад. Не напрямую превращал крестьянина в рабочего (это крайне трудно), а сначала делал крестьянина «пролетарием», и уж только потом втягивал его в формат индустриальной машины. В итоге этот процесс, хотя и повлёк за собой многомиллионные жертвы, привёл к тому, что барьер необходимых темпов индустриализации был взят.

Этот аспект может проиллюстрировать не только события конца 1920-х, но и во многом ситуацию середины 1990-х. Запоздалый успех экономических реформ в сегодняшней России – прямое следствие того, что их первым результатом был обвал, массовая люмпенизация, «высвободившая», если угодно, большое количество людей для встраивания в новый, создающийся на ходу экономический уклад. Кто бы стоял в зной и холод на вещевых рынках, возил баулами товары из Турции и Китая, если бы массам советских людей не пришлось покинуть свои рабочие места в колхозах, на заводах и в НИИ? Из кого бы строился новый «частный сектор», если бы самые лучшие, наиболее квалифицированные кадры оставались в государственном? Надеяться на то, что люди массово пошли бы за одним только длинным рублём – значит абсолютно не понимать структуру социальности, не видеть запаса прочности всех тех многочисленных якорей, которые удерживают человека в его социальной нише. Уровень оплаты – лишь один из таких якорей, и даже, скорее всего, не самый значимый.

Но это уже другая тема: тема уроков «перестройки».

Уроки перестройки: успех как катастрофа

Демонтаж коммунистической идеологии, если посмотреть на него с дистанции, не выглядит как поражение «октябрьской революции». Наоборот, в каком-то смысле он является свидетельством её полной и окончательной победы в мировом масштабе – победы, которая тем самым и сделала неактуальной всю её «повестку дня».

Те ценности, во имя которых совершалась революция 1917 года, пусть и в смягчённой, лишённой революционного радикализма форме, к концу XX века оказались признаны всем некоммунистическим миром и никем всерьёз не оспаривались. Базовая оппозиция труда и капитала, барьер между собственником средств производства и наёмным рабочим оказались фактически сняты. Развитие, с одной стороны, систем социальных гарантий и адресной социальной помощи, а с другой - рынка ценных бумаг, вкладов и банковского кредита резко сократили дистанцию между социальными группами, создали гигантскую промежуточную прослойку между «высшими» и «низшими» слоями капиталистического общества.

Эта прослойка (*идеологически* обозначенная сомнительным иероглифом «средний класс») в определённый момент стала политическим фактором гигантской силы, блокирующим даже теоретическую возможность реализации сценария «пролетарской революции» по русскому образцу в любом из современных развитых обществ. Что и показали события 1960-1970 годов – в первую очередь во Франции, в Италии и других странах с сильной коммунистической традицией. После этого ставки в «борьбе систем» упали на порядок: она полностью утратила характер взаимной борьбы за существование, и превратилась в «необязывающую» конкуренцию экономических моделей, в стиле «догоним и перегоним». Которая сама по себе более не оправдывала претензий советской России на принципиальную, сущностную инаковость своей модели по сравнению с некоммунистическим миром.

В результате последним, что поддерживало напряжение в системе, остался чисто силовой аспект конкуренции – «гонка вооружений», с перспективой глобальной ядерной войны. Достаточно было снять или хотя бы серьёзно ослабить эту позицию, и вся ситуация «борьбы систем» обречена была обрушиться в небытие. Что и случилось во второй половине 1980-х гг.

Аналогичным образом и катастрофа СССР наступила не вследствие неуспеха реформ Горбачёва, а скорее наоборот – *в результате их успеха*. Именно успех первых реформ, сам тот факт, что они *состоялись*, породил

новые социальные силы и в конечном счёте создал ситуацию, несовместимую с существованием системы. Избранный «мягкий» сценарий обернулся катастрофой. Разбалансированная социальная структура не выдержала предложенной динамики, темпов – и начался процесс её разрушения.

Перестройка – победивший «мягкий» сценарий. Был ли жёсткий? Да, был: где-то на дне памяти современников осталось, что «конец застою» первым сказал Андропов, и первые дуновения «ветра перемен» были с запахом железа и крови: дела взяточников, самоубийство Щелокова, ужесточение режима, облавы по баням. Другое дело, что Горбачёв и его команда были антропологически неспособны на «жёсткие» сценарии (хотя в итоге Горбачёву всё равно не раз приходилось брать на себя ответственность даже за кровь, но всякий раз он делал это тогда и так, что это уже ничему помочь не могло).

Собственно, в каком смысле Горбачёв - могильщик СССР? Главным образом - в том, что он по принципиальному вопросу системного различия “анти-Ленин”. Основной посыл книжки “Перестройка и новое мышление” - мы не какие-то там принципиально другие, мы не “другая система”, мы естественная органичная часть единого глобального мира, мы такое же государство, как и вы, просто с чуточку особенным хозяйственным укладом. Который вдобавок уже спустя два года осмысливается уже не как особенный, а как устаревший, неэффективный и даже неработоспособный; но это в некотором смысле детали.

Самое интересное в этом контексте – проследить, как в течение семидесяти лет происходило стирание, забывание того, что мы лишь по внешней форме «обычное» государство, а на самом деле - антигосударство, система, производящая альтернативный социальный строй с иной логикой социальной иерархии. В советской душевной теплице постепенно исчезло понимание того, что именно понималось людьми старшего поколения под “завоеваниями октября”, что такое непреодолимое социальное неравенство, когда оно приобретает характер самовоспроизводящейся системы. В предельной форме (той, образца 1917 года) - когда есть те, кто воюет и умирает за родину, а есть те, кому этого делать необязательно; причём такие-то, как правило, и идут в ура-патриоты.

Иными словами, **далеко не всегда «мягкий сценарий» означает меньшие жертвы и лучшие перспективы.** В ситуации, когда государство оказывается одновременно и перед фактом утраты содержательных основ своего существования в результате тотальной смены всей повестки мировой политики, и перед новыми, невиданными ранее историческими выводами, «мягкий сценарий» - это гарантированный путь к катастрофе, на выходе из

которой всего лишь снова встают всё те же вопросы, и всё та же оппозиция «мягкий-жесткий».

Так, применительно к сегодняшнему моменту не будет большим преувеличением сказать, что сейчас мы, выйдя из почти двадцатилетнего штопора постигшей нас катастрофы, оказываемся ровно перед теми же задачами, которые уже стояли перед нами во второй половине 80-х гг., и по поводу которых начиналась в своё время «перестройка».

Неэффективная и коррумпированная элита. Растущий разрыв в уровне потребления между высшими и низшими слоями общества. Архаичный, переставший соответствовать требованиям времени экономический уклад. Деградация политического языка и официальной идеологии. Кризис национально-территориального устройства. Неспособность системы решать задачи инфраструктурной модернизации. Отчуждение большинства граждан страны от крупной собственности, будь то недра, земля или заводы. Отсутствие массового слоя экономически активных собственников. Низкое качество жизни – жильё, здравоохранение, образование, экология и т.д. Низкие темпы роста экономики. Падение боеспособности армии. И т.д., и т.п.

Всё это – повестка дня перестройки. Это вопросы, поставленные и вынесенные на её бесконечные «съезды» - ни один из которых, разумеется, не мог решить вообще ничего. **Но все эти же вопросы стоят перед нами и сегодня,** причём некоторые – даже в усиленном, гипертрофированном виде по отношению к ситуации двадцатилетней давности. Фактически, в результате событий 1987-1993 г. – т.е. в результате реализации «мягкого сценария» - мы потеряли двадцать лет. В течение которых эти и многие другие вопросы оказались попросту заморожены, отложены до момента решения одного-единственного, куда более вопроса: увидит ли государство Россия завтрашний день, или рассыплется вдребезги, как рассыпался СССР?

Наше счастье, что ни в одной из соседних стран за весь этот период так и не появилось никого, кто бы пришёл за нами так, как пришла в 41-м году «единая Европа» (в её гитлеровской редакции). Всем было не до нас: мы барахтались в собственных проблемах сами, в то время как мировые лидеры лишь пользовались нашей слабостью и смотрели сквозь пальцы на большинство наших проблем. Но сейчас ситуация меняется, и меняется необратимо. Других двадцати лет, которые можно потратить так, как мы потратили эти, у нас попросту нет.

Глава II. Мягкий и жёсткий сценарии

И всё же: есть ли у сегодняшней России какие-либо шансы на «мягкий», бескатастрофный сценарий модернизации – экономической, технологической, культурной?

Традиционная претензия к нынешней российской власти – что при ней плохо работают так называемые «лифты вертикальной мобильности», т.е. те социальные механизмы, которые обеспечивают приток свежих кадров на вершину социальной иерархии. Увы, большинство крикунов, требующих немедленной «ротации элит», «смены панелей», «кадровых обновлений» и т.п., главного, как правило, не договаривают. Реальный драматизм тезиса о кадровой революции состоит в том, что **лифты вертикальной мобильности нормально работают только в том случае, если они работают в обе стороны** – как «вверх», так и «вниз». Иными словами, для того, чтобы открыть «сто тысяч новых вакансий», нужно, чтобы начали работать механизмы освобождения занимаемых должностей. Как мягкие – в виде перевода отставников в состав экспертных структур, в кадровый резерв власти и просто на почётные синекуры, так и жёсткие – в виде перемещения с «тёплых» мест на «прохладные». В сегодняшних условиях, когда коррупционные склейки – это и не склейки уже, а единые административно-хозяйственные комплексы с прямой и быстрой конвертацией власти в деньги и денег во власть, это означает практически невозможность «мягкой» ротации кадров – даже почётно-пенсионные синекуры имеют тенденцию к превращению в клановые сообщества.

В этом смысле преимущество «жёсткого сценария» - в том, что при нём процесс обновления кадров устроен не в пример более просто. Не нужно задумываться о том, куда девать тех, кто смещается с высоких позиций, и как они будут использовать свои знания и связи в качестве отставленных и обиженных. Их можно либо расстрелять, либо посадить, либо, на худой конец, отправить на картошку. И ни у кого не возникнет по этому поводу вопросов – поскольку у любого, кто решится их задать, появится шанс повторить ту же траекторию.

Я – последовательный сторонник "мягкого" сценария. Но именно поэтому я считаю необходимым делать его более надёжным и гарантированным, чем жёсткий.

В пользу жёстких сценариев всегда говорит прочность инструментов. Мягкий же сценарий должен проводиться в жизнь более твёрдой рукой, чем жёсткий. Он меньше допускает слабости, он оставляет куда меньше

пространства для сомнений и колебаний, и не оставляет вовсе для метаний и непоследовательности.

Кроме того, мягкий сценарий – это целый ряд дополнительных условий, требующих отдельной работы по его обеспечению. Например, мягкий вариант требует гарантий, что в ближайшие 20 лет не случится масштабная война, в которую мы окажемся втянуты. А следовательно, дополнительные усилия по поддержанию международного мира тоже должны быть естественной частью любого "мягкого" варианта.

Любое промедление всегда увеличивает шансы жёстких сценариев; любая потеря или ослабление контроля компенсируется ростом жестокости. Я с симпатией отношусь к умеренным и вменяемым политикам 1917 года, и с недоверием отношусь к фанатикам типа Ленина, но я не хочу разделить судьбу этих умеренных, уступив страну какому-нибудь «ильичу» с броневика. И это - предельная рамка любой умеренности. Надо учитывать опыт поражений, но нельзя повторять, воспроизводить снова пораженческую логику.

Установка на минимизацию насилия – но не в ущерб задачам! «Жалеть - значит не жалеть!» - принцип генерала Панфилова. Идея минимизации насилия означает, что там, где его возможно НЕ применять, его НЕЛЬЗЯ применять. Но это значит также и то, что там, где его НЕвозможно НЕ применять, применять его необходимо; и любой отказ от этого принципа означает передачу власти в руки какого-то другого субъекта. Который, естественно, самой логикой маятника инферно обречён на БОльшую жестокость и БОльшее насилие, чем предшественник.

Причина этого – в том, что политические задачи, будучи поставлены и приняты всеми, дальше начинают жить в своей логике, и может оказаться, что эта логика перемалывает или отменяет их постановщиков.

Эффективное государство

«Эффективное», или «конкурентоспособное» государство – любимая мантра российского руководства последних лет. Вместе с тем всегда как-то упускается из вида тот факт, что не существует взятой отдельно «экономической эффективности»: любая эффективность релевантна тому кругу задач, которые решает система. Дожить до завтра, построить мост и т.п. Эффективность – прилагательное.

Отсюда вопрос: «эффективное государство», о котором говорит Путин – оно эффективно для чего? Эффективный менеджер – в чём? В решении задач и достижении целей, которые ставит собственник, хозяин, субъект.

Постановка же целей (имеется в виду базовое целеполагание) вообще не подчиняется логике эффективности: например, может быть поставлена задача умереть, и тогда твоя эффективность определяется единственным критерием: жив ты ещё или нет (в первом случае ты – неэффективен).

Кто субъект у нас? Власть (Путин) говорит «народ», ибо государственное устройство - демократия. Почему в это так мало верят? Потому что устарели, несовершенны или не работают механизмы **рационального** построения «народной» субъектности. То есть механизмы демократии – согласования и оформления воли, институты обеспечения целостности народа.

Поэтому вновь актуальны оказываются старые, мистические механизмы коллективной субъектности – через персонализацию власти, холизм и идеализм. Когда отключается свет и тепло, люди палят лучину и жгут костры (в т.ч. и на полу квартир), потому что тогда единственная альтернатива – это замёрзнуть в темноте.

Пока не будет рабочей версии автомобиля, мы будем ездить на гужевом транспорте; потому что иначе придётся стоять на месте. Но мы хорошо понимаем, что далеко на птице-тройке уехать сегодня не получится.

Да, у демократии есть проблемы; и о некоторых мы пока не знаем, как их решать. Но мы уверены: единственный путь – это развитие демократических институтов, причём не только экстенсивное, но и творческое. Однако это развитие должно быть гарантировано от «уроков перестройки», и поэтому жертвой его не должна становиться целостность общественной системы. А потому программа действий – не ломать государство и не пытаться его переделать, но подчинить его исторической задаче, заставить его работать на неё.

Мобильное государство

Однажды в телепередаче "Нацпроекты" на канале "Вести 24" было подряд два гостя. Один - глава российского союза пекарей и кондитеров, а другой - глава союза мясопромышленников. Близкие вроде бы сферы. Но всё же: первый: *"главная проблема отрасли - излишняя централизация. Пекарни во всём мире малый бизнес, 3-4 субъекта хлебопечения на 10 тыс. человек; а у нас в лучшем случае один"*. Второй: *"Срок окупаемости в нашей отрасли*

долгий, и это создавало препятствие для инвестиций. Но теперь эта проблема решена благодаря кредитам Россельхозбанка по нацпроекту АПК".
Т. е. животноводство - более крупное производство, и куда более уместно госучастие.

Мораль этой истории: **размеры госучастия в экономике должны определяться не догмами господствующей экономической доктрины, а спецификой конкретной отрасли, её хозяйственным укладом.**

Но сказать это - ещё не всё: отраслевая структура экономики, баланс отраслей тоже диктуется исторической ситуацией и теми задачами, которые она ставит. Скажем, ошибка "косыгинской" эпохи состоит в несовпадении структуры экономики (в частности - размеров госприсутствия) и политическими задачами («удовлетворение возрастающих потребностей трудящихся»).

Этатизация и деэтатизация экономики - зависит от того, какая стоит основная проблема и основная задача. Скажем, если космос и бомба - государства должно быть много; если тёплая вода в каждом доме и отпуск в Турции - государства должно быть как можно меньше.

Соответственно, требование эпохи - **мобильное государство**, т.е. способное быстро наращивать и быстро сокращать своё присутствие в экономике и меру контроля, а также строить коалиции ad hoc и партнёрствовать с частными субъектами, как крупными, так и большими сообществами мелких. Причём не жёсткие, а гибкие, существующие лишь до тех пор, пока существует общая задача, а постоянными держать лишь "лёгкие" переговорные площадки, на которых можно "сверять часы".

А значит - «приватизация» и «национализация», проводимая «штатными» механизмами системы, в короткие сроки и во взаимовыгодном партнёрстве с частными субъектами; но в рамке общестрановой задачи.

Соответственно, демократия должно работать как коммуникативной механизм определения и согласования общих страновых приоритетов. Выборы должны превратиться в открытый тендер программ перспективного развития страны, а партии - в интеллектуальные штабы по разработке и обкатке этих программ, со своими интеллектуальными школами. Государство-губка, впитывающее и организующее ресурсы, капиталы, кадры и столь же быстро их отдающее.

Тем самым демократия - мотор экономики, а не её бесконечная головная боль.

Власть в поле доверия

Драма идеи революционного государства: с одной стороны - креативное ядро, с другой - бремя поддержки институтов и статусопорождающая функция. Вечный баланс "якобинцев на троне" и почтенных старцев в разнообразных ритуальных собраниях.

Причина в том, что государство не может быть чисто управляющим, оно ещё и ритуальное. Причём ритуальные функции - тоже обязательная часть госуправления. Коммуникативное, сигнальное поле - поле доверия. Власть возникает в поле доверия, доверие же создаётся всегда ритуалами, бессмысленными с рациональной точки зрения (каков, к примеру, рациональный смысл рукопожатия?), но несущих гигантскую скрытую роль установления взаимопонимания и согласия, необходимую для любых больших дел, в которых участвует много людей, разных и разделённых многими барьерами - географическими, имущественными, возрастными... В каком-то смысле, вся политическая культура - пространство ритуалов.

Например, одна из важнейших госфункций – праздничный календарь. Также государство - это машина по производству общепризнанных социальных статусов - отсюда награды, премии и т.п. Государство как бы задаёт рамку существующей иерархии социальных статусов, или, точнее, правит естественно существующую и возникающую в социуме. Например, параллельную деньгам.

В этом смысле самые ценные госблага - это такие, которые нельзя купить за деньги. А когда за деньги можно купить всё - тогда государства нет. Или когда в деньги можно конвертировать всё.

Глава III. Россия-2050: собственное будущее

Думая о будущем, люди часто намечают себе в календаре какую-то круглую дату, до которой планируют что-то успеть или к чему-то прийти. Для меня в детстве такой «опорной точкой» был 2000 год. Правда, в середине 80-х, топя с портфелем за спиной в младшие классы советской средней школы, слова «миллениум» я ещё не знал. Зато твёрдо понимал, что в 2000-м мне будет уже 21. Я буду взрослый: закончу школу (а если повезёт, то уже и институт), начну бриться, деньги буду получать не от мамы на мороженое, а на работе в виде зарплаты – хоть каждый день пломбир покупай. И встречаться с женщинами, разумеется, тоже буду (тогда ещё не очень ясно было, зачем мне это надо, но было уже очевидно, что без этого во взрослые почему-то не берут).

2000-й я встречал вместе с женой в подмосковном доме отдыха, будучи совершенно вымотанным после тяжелейшего 1999-го, в котором мне довелось по полной хлебнуть «радостей» российской выборной кампании в качестве сотрудника одного из партийных штабов. И единственное, что запомнилось из того праздника – это «я устал, я ухожу» в устах первого президента России Бориса Ельцина - вместо обычного новогоднего телепоздравления. Я как-то сразу понял, что уходит не просто Ельцин, а последний государственный деятель XX века, вместе с самим этим великим веком. И что это было большой ошибкой с моей стороны – намечать себе точкой отсчёта год, в котором мне всего 21. Какие итоги подводить в таком возрасте? Разве что – итоги периода первых проб и ошибок, когда ты поневоле больше учишься, чем делаешь что-то всерьёз. А тогда, в 2000-м, понятно было только одно: собственно, вот она, жизнь-то, теперь и наступила по-настоящему уже окончательно. Мы теперь не юноши, а большие дяди и тётки, и претензии за то, как и в какой стране мы живём, имеет смысл адресовать только себе самим.

Мы – это моё поколение, разумеется. Поколенческая общность – не только и не столько близость г.р., сколько схожесть опыта взросления. Моё поколение – это все те, кто родился и был ребёнком в одной стране, а взрослым стал совсем в другой; не просто сменившей название и ужавшейся в абрисе границ, но изменившейся до неузнаваемости почти во всех аспектах жизненного уклада.

Мы – не просто свидетели этой фантастической трансформации, сопоставимой по масштабам с великими революциями и войнами прошлого. Мы несём в себе её хаос как часть собственной личности, как некую её

фундаментальную основу. Наши жизненные принципы имеют корнями этот опыт социального преобразования; для нас в окружающей реальности нет ничего по-настоящему прочного, поскольку мы своими глазами видели, как хрупко может оказаться всё то, что объявляется незыблемым и считается таковым; и мы ещё можем смотреть непредвзято как на то, что кажется аксиомами для наших родителей, так и на то, что будет ими казаться для наших детей. Но при этом мы и ничего не боимся: нам не пришлось, в отличие от старших поколений, радикально ломать уже успевшие сформироваться при социализме взгляды на жизнь; не пришлось испытать катастрофического опыта потери своей социальной ниши вследствие разрушения самой нишеобразующей структуры. Не пришлось на ходу выращивать в себе вторую, «постсоветскую» личность, навсегда превращаясь в заложников этой собственноручно сконструированной шизофрении. Мы сами, каждый из нас – и есть та пресловутая «эпоха перемен», в которую так отчаянно не рекомендовали жить китайцы.

Какой же срок нам отпущен на реализацию этой уникальной энергетике, «осевшей» по воле обстоятельств в каждом из нас, как радионуклиды Чернобыля? – вот вопрос, на основе которого можно намечать следующие круглые даты.

Для меня сегодня такой датой является 2050 год.

Думая о нём, я начинаю хандрить. До чего всё-таки короткая человеческая жизнь! В 2050-м мне будет уже 71, и даже если лично мне до этого возраста удастся дожить, он точно уже не будет годом наивысшей активности моего поколения. Скорее, это будет время, когда нам нужно будет уходить, оставляя страну следующим – детям, внукам, правнукам... Время, когда надо будет подводить итоги: что успели сделать, а что не успели из того, что сделать бы надо; что удалось, а обо что обломали зубы. И в каком состоянии «сдаём хозяйство» - тем, кому выпадет активно жить и действовать уже во второй половине XXI века.

...Если, конечно, к тому моменту ещё останется что передавать. И останется кому.

Крупная историческая рамка обязывает к жёсткости мышления. Иначе любые мечтания, любая футурологическая сопливость делает такого рода прогностику бессмысленной. Единственно возможный путь – опора на те знания о будущем, которые есть в нашем распоряжении уже сейчас. То есть знания о том, что случится независимо от нашей воли – просто в силу объективных, существующих уже сегодня факторов.

Адресат этой брошюры – именно «поколение рубежа», без различия на политическую позицию, социальный статус, род занятий и прочие разделяющие нас барьеры. Приступая к ней, я поставил себе задачу взглянуть на 2007-й год из 2050-го; проанализировать то, в какой точке движения мы сейчас находимся, что произойдёт независимо от нас, а что является предметом нашего выбора и пространством нашей свободы. И по возможности поставить себе задачи на эти предстоящие годы – так, чтобы они соответствовали масштабам исторической жизни одного поколения; не такие уж и большие, между прочим.

И ещё – чтобы они были реалистичными. Тут дело вот в чём. Владислав Сурков в своей лекции в Академии Наук в мае 2007 года предложил смотреть на настоящее "из утопии". Я с сомнением отношусь к утопизму как политическому методу. Самые большие жертвы в истории – это, как правило, жертвы настойчивых попыток реализовать, вопреки сопротивлению среды, чью-либо утопию. А то, что «среда» будет сопротивляться любой русской утопии XXI века – это уж будьте благонадёжны: мы достаточно *наследили* в XX-м. Но вместе с тем ясно и то, что ориентация на более-менее чёткий образ будущего - это чуть ли не единственно возможный сегодня способ планирования. Только, правда, одно наше "хочу" - недостаточно прочная для этого опора; есть слишком много вещей, которые случатся к 2050 году безотносительно к тому, хотим мы этого или нет. О некоторых из них мы даже знаем – и это знание позволяет нам планировать более рационально, видеть границы, разделяющие невозможное, возможное и неизбежное.

Глава IV. Потолок и угрозы роста

Потолок роста

Парламентские и президентские выборы – главная тема российского политического сезона 2007-2008. Но выборы, как и любые другие публичные кампании – это просто площадки, на которых обсуждаются некие важные для страны вопросы и выносятся определённые решения. Те, кто выиграл выборы – не более чем исполнители этих решений; в этом – и ресурс, и ограничение мандата победителей.

Скажем, в 1999-м на выборах нация приняла политическое решение – вернуть Чечню в состав России. И победитель тех выборов - Путин, обладая огромной властью – не только по должности, но и властью политического, морального лидера – ни разу за оба президентских срока не имел ни единого шанса это решение изменить или переиграть, что бы ни происходило в это время в Чечне и по поводу Чечни.

Иными словами, определяя повестку дня, надо идти от самой реальности, а не от политической инфраструктуры её обслуживания – будь то выборы, партии, программы и т.п. Именно реальность, актуальное положение вещей в государстве ставит те вопросы, на которые отвечает политическая система в ходе выборных кампаний.

Но как определить, что самое важное в нашей социальной реальности?

Сейчас в это трудно поверить, но потомки скорее всего назовут период 2000-2007 г. одним из наиболее спокойных, «безоблачных» в российской истории. Все эти годы мы медленно, но уверенно росли, восстанавливая силы после больших потрясений 90-х. Экономика росла на 5-7% в год, вслед за ней подтягивался и уровень жизни. Если 90-е – эпоха возникновения состояний у немногих, то 2000-е открыли путь к адаптации в новой реальности целым социальным слоям. Даже те, чьи доходы в денежном выражении выросли не столь значительно, получили возможность воспользоваться ранее недоступными для них благами – благодаря «белым» зарплатам и потребительскому кредиту. Значительно расширилось число специальностей, оплачиваемых по стандартам «новой» экономики – теперь это уже не только офис, но и фабрика, поликлиника, ВУЗ и т.д.

В итоге если в 91-м о массовой автомобилизации можно было только мечтать, то теперь она стала реальностью. Порядка 30% населения выезжают за границу на отдых. Число студентов платных отделений ВУЗов превысило число студентов-бюджетников. Во всех крупных городах наблюдается бум цен на недвижимость – люди покупают квартиры. В разы выросло количество авиаперевозок. Если в 2000-м всерьёз говорили об угрозе банкротства России, то сегодня она не только отдала долги, но и сама выступает кредитором. И т.д., и т.п. Казалось бы, всё хорошо?

Заметим: до сих пор такой рост нигде, ни в одной точке не встречал сопротивления. Он был выгоден как бы «всем»: богатым – потому что снимал социальную напряжённость и упрочнял их положение; средним – потому что расширял горизонты возможностей; и бедным – потому что давал шанс. Но сегодня этот рост останавливается – по той простой причине, что его возможности в нынешнем виде исчерпаны.

Судите сами. Основа роста экономики – это рост производства. Вся «остальная» экономика – от финансов до сферы услуг – лишь «обслуживает» те деньги, которые создаются заводами и фабриками. Но рост производства замер – почему? Казалось бы, рынок растёт, рабочих рук пока хватает, свободные инвестиционные деньги тоже есть – что не так? Оказывается, что новым производствам просто нет места.

Уже в 2003 году, превышение производства электроэнергии над потреблением составляло порядка 40%. Сегодня этот показатель приближается к технологическому минимуму в 15%, за которым – потенциальная нестабильность энергосистемы и кризисы, по сравнению с которыми московская авария лета 2005 года – лёгкое приключение. В некоторых регионах (в той же Ленинградской области) подключить новые производственные мощности к энергосетям уже невозможно даже за очень большие деньги.

Сегодня Россия экспортирует за границу большое количество энергоносителей – нефть, газ. Оппозиция часто обвиняет действующий режим в этом акценте на экспорт – мол, мы становимся «сырьевым придатком» других стран, вместо того, чтобы развивать собственные производства. Но производства потребляют не нефть и не газ – они потребляют энергию, как правило, уже в виде электричества. А запуск новых электростанций, даже если начинать их строить прямо сейчас – дело не одного и не двух лет; это очень долгий цикл. В то время как задачи роста требуют новых мощностей уже «завтра».

Но энергетика – далеко не единственная составляющая торможения роста.

В сентябре 2007 года мы отмечаем годовщину запуска приоритетных национальных проектов, которые стартовали 5 сентября 2005 года. Сегодня уже можно сделать первые выводы; главный из которых состоит в том, что даже мобилизовав все ресурсы, добиться прорыва в отдельно взятых сферах оказывается очень трудно – наши усилия упираются в тот самый «потолок роста».

С серьёзными проблемами столкнулся наиболее популярный и массовый из нацпроектов – «Доступное жильё». Когда он готовился к запуску, в экспертном сообществе господствовала та точка зрения, будто главное, что сдерживает рост рынка жилья (а значит, и увеличение объёмов строительства, и развитие стройиндустрии) – это отсутствие удобных для населения денежно-кредитных механизмов. Жильё – очень дорогая вещь; накопить значительную сумму на приобретение недвижимости даже хорошо оплачиваемый специалист может лишь за несколько лет: кто умеет строить свой семейный бюджет настолько «вдолгую»? Немногие. Казалось бы: дай людям кредит, пусть даже под залог квартиры – и в условиях огромного спроса (а т.н. «латентный» спрос на улучшение жилищных условий, по данным на 2004 год, охватывал в России 77% населения – четыре семьи из пяти!) люди ринутся покупать жильё – только успевай строить!

Оказалось – «не успели». Потому что новые дома, как и новые заводы, сегодня тоже строить «негде». Жильё ведь можно строить только там, где есть оплачиваемая работа – то есть в уже существующих городах с работающими предприятиями. Но в городах земли под жилищное строительство уже не осталось. Идёт «уплотняющая застройка», которая вызывает тотальную ненависть у горожан (ещё бы, когда на месте твоего парка или детской площадки строится двадцатипятиэтажный дом на несколько тысяч квартир), но всё равно не решает проблемы. Строятся новые микрорайоны; но в условиях неразвитости транспортной инфраструктуры любой удалённый микрорайон – это утром километровая пробка на выезде, а вечером на въезде. Да и то, оказывается, землю в окрестностях городов уже поделили частные застройщики, и никому нет дела ни до каких национальных программ.

Как результат, мы имеем ситуацию, когда в течение года цены на жильё в некоторых городах взлетели в несколько раз. И люди покупают квартиры втридорога по ипотечной схеме, после чего оказываются вынуждены расплачиваться за них всю оставшуюся жизнь. При этом они оказываются привязаны к тому месту, где находится их жильё – то есть не могут просто так

поехать «за деньгами» в другой город (а значит, новые производства не могут нанимать квалифицированных специалистов) – в результате и промышленный рост, и освоение новых территорий также ставится под вопрос.

Похожая ситуация – практически в любой из ключевых сфер социальной жизни. Везде, куда ни ткни, развитие России упирается в «потолок роста» – сколь естественный, столь и непреодолимый.

Потолок роста – это не только проблема страны. Это и проблема любой фирмы, организации, движения. До тех пор, пока рост был естественным и беспроблемным, не упирался в некие пределы, он происходил легко. Однако появление предела, за которым рост невозможен без качественного изменения основ жизни, становится вызовом, перед которым многие ломаются. Вдобавок всегда есть те, кто готов «помочь» тебе сломаться.

Кто в современной системе может принимать решение о строительстве, к примеру, нового города на полмиллиона человек? Кто возьмёт на себя политическую ответственность распоряжаться общими деньгами не в рамках «фиксированных параметров бюджета», а в логике «плана развития страны»? Кто может взять на себя смелость реализовать новый план ГОЭЛРО (без которого дальнейший промышленный рост так и останется утопией)? В нынешней политсистеме таких субъектов нет. Таковым не является ни одна из партий, таковым не является парламент, таковым не является даже Администрация Президента.

Таковым сегодня является (и то в очень ограниченном масштабе) только лично Путин – но он не есть коллективный субъект. Он – лидер некоего «подразумеваемого» субъекта, который на жаргоне политологов называется «путинское большинство».

Путин – естественный лидер «партии роста». Это с ним связаны условия, сделавшие возможным нынешний рост; это он ставил правительству задачи роста, определяя его количественные и качественные параметры. Однако он же – и номинальный (по должности) начальник “потолка”, т.е. всей той старой хозяйственной и социальной инфраструктуры, которая вчера была удобной основой развития, а сегодня превратилась в его сдерживающий фактор. И эта дилемма – главный фактор двойственности его положения. Наверное, даже более важный, чем фактор «уходящего-остающегося» Путина.

Угрозы роста

В определённом смысле "экономического роста" не существует, иначе как роста кол-ва ресурсов, находящихся под нашим управлением, в балансе с ростом нашей способности ими управлять. Наши возможностей ими управлять. Отсюда ясно, что граничным условием процесса роста является взаимная согласованность всей этой системы, её непротиворечивая, гармоничная целостность. То есть негармоничный, непропорциональный (диспропорции) рост разрушителен и крайне опасен. Недаром революции настигают именно страны, находящиеся в режиме роста: рост всегда опасен!

Любой рост - это не только новые успехи и приобретения, но и новые неизвестные до начала роста проблемы. И причем в список этих проблем входят и такие, которые могут оказаться фатальными для организма. Те проблемы, которые мы имеем - это проблемы, являющиеся прямым следствием нашего роста, и количество таких проблем, напрямую вытекающих из нашего роста, и проблем, критически угрожающих нашему существованию, растет. И в этом смысле ускорение роста, убыстрение, увеличение и так далее, скорее всего, может углубить эти проблемы, грубо говоря, увеличить уровень рисков.

В первую очередь, конечно же, новые социальные проблемы порождает экономический рост. Потому что, во-первых, экономический рост никогда не бывает равномерным. Любая система перераспределения благ - добровольная, принудительная, рыночная, свободная, какая угодно - имеет пределы мощности. Как только эти пределы, изменяемые в количестве благ, превышаются, система начинает искрить. Тут все точно так же, как с энергетикой: проводящие сети рассчитаны на определенную мощность, как только уровень мощности превышает, все начинает искрить. В нашем случае нагрузка на социальные сети, на сети коммуникаций, на политическую систему, на систему правовую, на систему собственности и отношений собственности, на политический язык, на самые разные инфраструктуры и институты государства, связанные с ростом, увеличивается невероятно.

В бедном обществе гораздо легче устраивать всеобщее равенство, чем в богатом, даже тоталитарными методами. В том обществе, где схема перераспределения благ является мягкой, то есть рыночной, это гораздо сложнее. Ведь у нас же проблема роста неравенства между богатыми и

бедными связана не с тем, что бедные становятся беднее, а с тем, что богатые становятся богаче. Но дело в том, что и бедность, и богатство в этом смысле относительны, поскольку относителен список представлений о том, почему человек считает себя бедным или богатым. Этот список контекстно зависим. Отсюда, снижение с каждым годом качества общественной коммуникации в нашем обществе, и это заметно невооруженным глазом. Социальные сети деградируют, это тоже заметно невооруженным глазом. Люди, которые раньше могли свободно общаться друг с другом, утрачивают такую возможность, просто потому, что они утрачивают место для этого общения, и это тоже объективная, данная нам в ощущениях реальность. И причины этого естественные: например, если раньше все смотрели три кнопки телевизора, то сейчас смотрят тридцать. Произошел распад централизованной, очень мощной и очень важной системы коммуникации. Социальные сети, которые есть и которые функционируют, которые остались нам в наследство от предыдущих эпох, перестают выдерживать сегодняшнюю нагрузку. И это уже не только проблема экономики.

Добиться роста - значит построить систему, способную выдерживать долговременно высокие темпы роста. Выдерживать – не только на уровне механизмов, но и на уровне общественной морали, устойчивости институтов, взаимного доверия и национального единства. Чтобы барьеры, создаваемые ростом и дифференциацией, всегда оставались преодолимыми.

Рост экономики и рост неравенства

Усиление дифференциации доходов – неотъемлемый спутник экономического роста. Сегодня мы стали свидетелями той же тенденции и у нас. Различные СМИ пестрят подсчётами социальных пропорций. Показания, правда, разнятся. В трёх взятых наугад изданиях разрыв в уровне доходов самых богатых и самых бедных россиян оценивался в 15, 26 и 33 раза соответственно.

Налицо две тенденции. С одной стороны, активная социальная политика последних лет начала давать свои результаты: процент людей, чьи доходы ниже прожиточного минимума, ощутимо уменьшился. С другой стороны, разрыв между богатыми и бедными продолжает понемногу расти. Общий расклад: хотя от роста экономики выигрывают все, но богатые – больше, чем остальные.

В этом – ответ на вопрос, почему вся наша политика год от года «левее». Действующие мягкие, «рыночные» механизмы перераспределения благ «не тянут», и в поисках альтернатив люди снова обращаются к идее распределительного (т.е. «социального») государства. В итоге власть

оказывается перед сложной задачей: как добиться относительного выравнивания доходов, не «заморозив» динамику роста?

Экономический рост понимается как безусловное благо, и потому обычно не принято говорить о порождаемых им проблемах. Между тем проблемы, являющиеся прямым следствием долговременного роста, могут оказаться фатальными. Исторический парадокс: революции и крупные социальные катаклизмы чаще всего случались в моменты, когда общества находились на экономическом подъёме. Некоторым исключением принято считать российские события 1989-91 годов; но кто знает, состоялась бы «перестройка», если бы не предварившая её попытка придать советской экономике «ускорение»?

Для любой социальной системы быстрый рост экономики – это всегда вызов. Во-первых, рост никогда не бывает равномерным – а значит, создаёт новые противоречия и обостряет уже существующие. Во-вторых, в нём всегда есть не только победители, но и проигравшие; и это не только отдельные люди, но и целые социальные группы. Причём для того, чтобы ощутить себя проигравшим, необязательно разориться или что-то потерять – достаточно просто остаться «при своих» в тот момент, когда другие сделали рывок.

Рост меняет мотивации людей. Честный работник, который в кризисные годы исполнял свой долг на низкооплачиваемом рабочем месте, в годы роста уже не сможет относиться к этому столь же бескорыстно и будет требовать своё. Офицер, клерк или учёный ранее тянули свою лямку, зная, что большинство в стране – такие же нищие, как они сами. Но что с ними будет, когда они осознают, что другие массово и наперегонки обогащаются, пока они всё так же работают за ту же самую зарплату?

Взывать к «правым» ценностям созидания, призывать людей «работать и зарабатывать своим трудом» в такой ситуации крайне непросто. Для этого у нас слишком много публичных миллиардеров и мультимиллионеров, о которых точно известно, что секрет их успеха состоял в умении вовремя оказаться в нужное время в нужном месте; и никаким «трудом» до их состояний дорасти невозможно. В этом ещё один парадокс: чем больше сверхбогатых, тем более «левой» становится политическая повестка дня; иначе говоря, миллиардер и левый популист всегда идут рука об руку.

Но и бедность, и богатство – относительны; они существуют только «по сравнению с соседом». Причём сопоставляются обычно не нули на банковском счёте, а куда более осязаемые вещи – квартиры, машины, предметы повседневного уклада. В этом смысле проблема разрыва между бедными и богатыми – не столько в объёмах контролируемой собственности и суммах

доходов, сколько в публичных формах потребления, допустимых общественной моралью. Когда западный мультимиллионер ездит на работу на велосипеде, все понимают: гигантские активы в его собственности – это гарантия того, что ресурс у достойного хозяина. И наоборот: когда у нас молодой здоровый парень, купивший в кредит массовую иномарку, гудками сгоняет с пешеходной «зебры» идущего в булочную пенсионера, начинаешь задаваться вопросом: а достоин ли он своей «менеджерской» зарплаты в несколько сот у.е., и не лучше ли будет отдать её бабушке?

Здоровое общество – это общество, в котором нормы морали для богатых и сильных строже, чем для всех остальных. Тогда публичный статус богатого человека – это привилегия, за право на которую приходится расплачиваться жёстким самоограничением; в то время как бедные могут позволить себе относиться к этому легче. Обратная же ситуация – когда наличие денег означает право на всё – неизбежно порождает в обществе волну «перераспределительных» эмоций. Которая рано или поздно найдёт себе политическое оформление.

Глава VI. Инновационный класс: новая интеллигенция

Новый уклад – новый социум

Я не разделяю совсем уж пессимистического пафоса в отношении «инновационного прорыва». Но вывод из процитированного выше разговора для меня состоит в том, что задача, поставленная и осознанная нами как основная, не решается штатными средствами системы. Однако это не означает, что она нерешаема в принципе. Скорее, это означает необходимость смены парадигмы, создания новой методологии и нового подхода к проблеме.

Итак, несколько фактов.

1. Задачи, стоящие перед Россией на ближайшие 40 лет – годы активной жизни моего поколения – имеют предельной рамкой не господство, не победу и даже не успех, а выживание как таковое. Всё прочее (включая, вполне возможно, и успех, и господство) – условия выживания.
2. Объявленные и принятые задачи таковы, что им не соответствует социальная структура современного российского общества, а также сложившиеся механизмы её самовоспроизводства (в первую очередь образование).
3. Объявленный «инновационный прорыв» не имеет субъекта. Правящий и поддерживающий слой не есть слой прорыва – он есть слой выживания. Его институты – институты выживания. Те методы, которыми он пытается решать задачу прорыва – это методы «выживанческой» практики.
4. Для того, чтобы прорыв состоялся, у него должен появиться коллективный субъект. Вербовать в него людей не из кого, кроме как из нашего «поколения рубежа».
5. Правящему слою для этого необходимо сломать установку на среду прорыва как на стафф. «Мы будем управлять страной, решать вопросы и платить вам зарплату, а вы становитесь креаторами и изобретайте роботов» - это гибельная установка. Инновационный класс может состояться только тогда, когда он формирует из себя своего рода параллельную власть.

6. Единственно возможный субъект для решения поставленных задач – государство. Единственно возможное государство – это существующее государство РФ. Единственно возможные методы – революционные. Единственно возможный путь – превращение существующего государства РФ в своего рода «революционное государство». Инновационный класс – это революционный класс.
7. Любое промедление, колебание или медлительность усиливает «жёсткий» сценарий и ослабляет «мягкий»; в балансе становится меньше эволюции и больше революции. Чем больше мы тормозим и колеблемся, тем меньше останется времени и тем жёстче придётся действовать.

Трансформация уклада – это массовый, масштаба десятков миллионов людей, переток из одного уклада в другой. То есть гигантский социальный транзит – сопровождаемый, если не предусмотреть специальных механизмов смягчения, жесточайшими катаклизмами на уровне социума. Если не удастся в кратчайшие сроки разработать механизм мягкого перетока кадров из уклада в уклад, то всё более актуальным становится тема «новой коллективизации», т.е. выбрасывания людей из существующего уклада в маргиналию, на улицу – с последующей вербовкой в новый уклад уже в качестве маргиналов. Чем медленнее мы втягиваемся в долгосрочное планирование – тем жёстче будет аврал. Чем меньше мы сможем предусмотреть в планах, тем меньше завтра останется пространства для экономической свободы.

Скажем, советская власть, решая задачу своего «инновационного рывка», вынуждена была воссоздавать интеллигенцию, вопреки своей базовой установке на строительство «государства рабочих и крестьян». И ведь, между прочим, именно этот слой оказался главной проблемой режима! Справиться с ней он так и не смог.

Инновационный класс – это новая интеллигенция. В советской системе интеллигенцию загоняли в естественные и точные науки, чтобы сохранять под контролем сферу идей. В итоге сложилась диковатая субкультура «творческих физиков», подарившая нам целый пласт культуры от Ефремова до Стругацких, от бардов до диссидентов. Но даже засадив всех делать ядерные бомбы, советские руководители не учли, что среди делателей бомб окажутся и такие, как академик Сахаров.

В этом смысле задача правящей элиты современной России – не просто сформировать новую интеллигенцию как слой, посадив людей на определённые должности и выписав им зарплату, но создать механизмы

политической репрезентации этого слоя как субъекта, форму его участия в определении политического курса страны. Делиться надо даже не собственностью, а тем, что превышает собственность – властью. Но это значит также, что формируемый инновационный класс должен, кроме всего прочего, быть к этой власти готов; должен знать, что с ней делать.

Заключение. Повестка дня 2008-2050.

Вывод, наверное, может показаться грустным – а то даже и скучным. У «поколения перелома» ни в одной точке *внешнего* мира нет своей «святой Софии», на которой надо ставить крест. **Та «София», которая есть, находится внутри нашей собственной страны.** И наша историческая миссия – она тоже здесь, в России.

Масштаб этой миссии с первого взгляда вряд ли может показаться эпохальным и героическим. Выжить, сохранить страну, выиграть битву за историю, освоить лежащее в ней неосвоенным. Перескочить из социального и хозяйственного уклада образца середины XX века в уклад середины XXI. собрать и удержать рядом с собой «русский мир» - Россию за границами России. Всё это – работа на удержание, а не на экспансию. Или, если угодно, «экспансия внутрь». Любая другая экспансия, любые другие, большего масштаба задачи – это дело следующих за нами поколений. Если только мы, за отмеренный нам срок, успеем создать для них такую возможность, заложить базу.

Иными словами, у нашего поколения нет шансов замахиваться на невиданные мировые прорывы, построение вавилонских башен и пр. Нам надо «очень быстро бежать, просто чтобы остаться на месте». То есть – чтобы сохранить к 2050 году всё то, что мы уже имеем в 2007-м. Оказывается, что в сложившейся ситуации эта задача сама по себе сродни подвигу; но эта задача и есть задача выживания. И всё же при этом: охраняя, не можешь сохранить: держа, не можешь удержать. Остановившись (или даже замедлившись), упадёшь. Беги, Лола, беги.